

Цзинь Яжэнь бросил взгляд на угасающий небосвод и, повернувшись к Лин Шу, проговорил:

— Мы провели здесь весь день, и почтенные гости наверняка утомились. Пир уже готов, не соблаговолите ли проследовать за мной во дворец? Что же до тех двоих храбрецов, завершивших казнь, я велю щедро наградить их и устроить на ночлег со всем удобством. Не беспокойтесь, господин Лин.

Лин Шу слегка кивнул:

— Пожалуй.

Поднявшись со своего места вместе с Цзин Хуайюем, они поспешили вслед за хозяином. Пройдя несколько шагов, Цзинь Яжэнь внезапно замер, вспомнив об одном деле. Заметив, что Цзинь Никэ всё ещё торчит в толпе, наблюдая за происходящим с глуповатым восторгом, он нахмурился и подозвал стражника:

— Позови Никэ ко мне. И вели ему привести во Дворец Десяти Тысяч Летучих Мышей тех двадцати девиц, которых он притащил позавчера. Что за пиршество, если некому даже вина поднести?

Раздавая указания на ходу, он сопровождал послов. Но едва они миновали ворота, как он снова остановился и обратился к другому воину:

— Ступай к Третьему князю-дяде и попроси у него десяток танцовщиц. Пир без музыки и плясок — плохой пир. Сегодня у нас почтенные гости, так что старшая принцесса наверняка не станет высказывать недовольство.

Среди толпы пленниц лишь Ян Е до сих пор смотрел на казнь с ненасытным любопытством. Остальные же несчастные, включая вконец перепуганного Бай Тинби, уже давно лишились чувств от ужаса. Услышав приказ, они восприняли его как великое избавление и поспешили убраться прочь вслед за Цзинь Никэ, направляясь напрямик во Дворец Десяти Тысяч Летучих Мышей.

Дворец Десяти Тысяч Летучих Мышей служил Цзинь Яжэню местом для приёма самых именитых гостей. Просторные залы поражали изысканным убранством. Пол здесь устилали плотные алые ковры из овечьей шерсти, а у низких резных столиков лежали мягкие шкуры вместо подушек. В углах на тяжёлых латунных треногах горели восковые свечи толщиной с детскую руку, разгоняя малейшие тени и заливая залы ярким, почти дневным светом. Столы уже ломились от жареного мяса и кувшинов с кумысом — всё было готово к приходу гостей.

Цзинь Яжэнь вместе с маленьким принцем Кань Юйчжи занял почётные места во главе стола. Лин Шу и Цзин Хуайюй устроились напротив, шагах в десяти.

Хозяин поднял кубок:

— Прошу, господа.

Послы ответили вежливыми поклонами и пригубили вино. Когда с первыми кубками было покончено, Цзин Хуайюй заговорил:

— Мы с господином Лином не сильны в питейном искусстве, так что вынуждены просить пощады. Но ваше гостеприимство, почтенный принц-консорт, трогает нас до глубины души.

— Вы слишком скромничаете, — с мягкой улыбкой возразил Цзинь Яжэнь.

Пока велась эта светская беседа, в зал вошёл Цзинь Никэ, ведя за собой пёструю толпу из двадцати невольниц. Женщин разделили на две группы. По чистой случайности Ян Е и Бай Тинби оказались на стороне имперских послов. Сердце Ян Е испуганно ёкнуло. Стараясь не привлекать внимания, он увлёк за собой Бай Тинби в самую глубь, подальше от яркого света, отчаянно боясь, что Лин Шу или Цзин Хуайюй узнают его под женским платьем.

Цзин Хуайюй выждал паузу и продолжил:

— Мы прибыли сюда по высочайшему повелению императора Да Янь. Дело не терпит отлагательств, и нам хотелось бы обсудить его с вами, достопочтенный принц-консорт. Позвольте ли мне изложить суть?

Цзинь Яжэнь улыбнулся ещё мягче, но взгляд его оставался холодным:

— Вы слишком любезны, господин посланник. Однако я не уроженец Сицзя. Лишь несколько лет назад я прибыл в эти края, где удостоился чести взять в жёны старшую принцессу. Недавно мой тесть занемог и временно передал мне бразды правления армией — исключительно потому, что мой юный шурин, Кань Юйчжи, ещё слишком мал. Я лишь оберегаю его наследие, ведь в конечном счёте вся власть в Сицзя принадлежит ему. Но даже при всей моей осторожности злые языки без устали плетут интриги за моей спиной, обвиняя меня в корысти. Я не могу позволить себе брать на себя лишнее. Если у вас возникнут личные просьбы, я сделаю всё, что в моих силах. Но когда речь заходит о делах государственной важности между нашими державами... увы, я не вправе принимать решения.

Он изъяснялся на безупречном языке Срединной равнины — плавно, велеречиво и логично. Цзин Хуайюй не успел даже раскрыть рта, как его предложение вежливо, но решительно отвергли. Тому оставалось лишь сгладить углы:

— Полноте, уважаемый принц-консорт, вы не так меня поняли. То, с чем прислал нас император, принесёт огромную выгоду обеим сторонам. В прошлом ваши подданные совершали на наших границах набеги, которые едва ли можно назвать достойными. Государь

выказал недовольство, но отнёсся к этому с пониманием: в суровой степи всегда не хватает товаров первой необходимости, потому мы и не стали раздувать вражду. Наша цель — найти решение, которое раз и навсегда избавит обе стороны от распрей. Если какие-то вопросы выходят за рамки ваших полномочий, вы можете передать их владыке Сицзя, а выслушав его волю, дать нам ответ.

Цзинь Яжэнь слегка склонил голову набок. В его умных глазах блеснул живой интерес.

— Что ж, — медленно произнёс он, — я готов выслушать намерения вашей державы. Излагайте.

В этот момент слуги ввели в зал десяток разодетых девиц. Судя по чертам лица, все они происходили из ханьских земель, хотя и были облачены в традиционные степные наряды — очевидно, их увели во время прошлых пограничных набегов.

Цзинь Яжэнь окинул их равнодушным взглядом и поморщился:

— Ступайте и наденьте платья Срединной равнины. Терпеть не могу здешние пляски, ума не приложу, что в них находят.

Женщины поклонились и безропотно покинули покой.

Цзинь Хуайюй, проводив их взглядом, заговорил вновь:

— Первое: Да Янь предлагает Сицзя союз на равных правах братских государств, где правитель, старший по летам, признаётся старшим братом. Второе: на границе мы определим десять крупных городов, где купцы обеих стран смогут вести беспошлинную торговлю, обмениваясь товарами. Третье: при благоприятных обстоятельствах наши правящие дома могут скрепить союз узами брака. — Он перевёл взгляд на маленького принца и добродушно улыбнулся: — Наш юный и статный принц не желает ли со временем взять в жёны красавицу из Срединной равнины?

Кань Юйчжи захлопал глазами, растерянно переводя взгляд с одного вельможи на другого, а затем брякнул:

— Сестрица говорит, что все девки из Срединной равнины — лисицы-оборотни. Их нельзя брать.

В зале повисло тяжёлое молчание. И Цзинь Яжэнь, и Цзинь Хуайюй замерли с каменными лицами, не зная, как замять эту неловкость. Наконец Цзинь Яжэнь негромко кашлянул:

— Прошу простить за дерзость ребёнка.

Цзин Хуайюй мгновенно взял себя в руки и рассмеялся:

— Пустяки! И старшая принцесса, и юный принц на редкость прямодушны, это даже очаровательно.

Цзинь Яжэнь лишь молча улыбнулся, ласково взъерошив волосы мальчика.

— Кроме того, у нашего императора есть ещё одно тайное и крайне важное предложение лично к вам, — понизив голос, добавил Цзин Хуайюй. — Все подробности изложены в этом послании. Суть дела нам с господином Лин известна до мельчайших деталей, так что если возникнут вопросы, мы готовы на них ответить.

По его знаку стоявший позади стражник шагнул вперёд, держа в руках лаковый узорчатый футляр.

Цзинь Яжэнь принял его, сломал печать и развернул свиток. По мере чтения его брови сходились на переносице всё плотнее.

— Дело действительно чрезвычайной важности, — медленно проговорил он, сворачивая бумагу. — Завтра на рассвете я представлю его на суд тестя, и тогда мы примем решение.

Спрятав письмо в рукав, он поднял взгляд на послов:

— Но довольно о государственных заботах. Раз уж вы проделали столь долгий путь, сегодня надлежит пировать без остатка. Прошу вас, поднимите кубки! Или степное вино кажется вам слишком грубым? — Он строго прищурился, глядя на невольниц за спинами гостей: — Вас вчера ничему не учили? Живее наполните кубки господам!

Девушки испуганно бросились вперёд, сталкиваясь плечами в попытках угодить хозяину. Ян Е и Бай Тинби, неуклюжие и лишённые всякой женской грации, умышленно замешкались и остались стоять в тени, робко опустив головы.

В этот момент в зал вернулись танцовщицы, сменившие наряды на ханьские платья. Изумрудные рукава, алые шелка, высокие укладки, белоснежная кожа и чарующие, манящие лица. Цзин Хуайюй затаил дыхание, его плотоядный взгляд принялся неторопливо ощупывать изгибы их тел.

— То-то я гадаю, куда подевались все красавицы в Срединной равнине, — с усмешкой протянул он. — Оказывается, они гостят у вас. У вашего Третьего князя-дяди отменный вкус.

— Вы слишком щедры на похвалу, — отозвался Цзинь Яжэнь.

По его короткому знаку танцовщицы склонились в изящном поклоне. Запели флейты, зазвенели лютни, и под нежную, тягучую мелодию девы поплыли в танце. Цзин Хуайюй, окончательно заворожённый зрелищем, не отрывал глаз от сцены, качая головой в такт:

— Превосходно! Даже лучшие столичные дома не всегда могут похвастаться столь искусными плясками.

Цзинь Яжэнь, прекрасно понимая, что гость безбожно льстит, лишь вежливо улыбнулся и перевёл взгляд на Лин Шу. Тот сидел с безупречной осанкой, но к представлению оставался совершенно равнодушен, опустив ресницы и думая о чём-то своём.

— Прекрасные девы, изысканное вино — ночь создана для услады, — мягко проговорил хозяин.
— Господин Лин, не откажите в любезности, осушите кубок.

Понимая, что бесконечно уклоняться от чужого гостеприимства не выйдет, Лин Шу поднял чашу и выпил до дна. Крепкое степное зелье обожгло горло; на бледных щеках судьи мгновенно выступил нежный девичий румянец, и он едва заметно поморщился. Цзинь Яжэнь, не отводя от него глаз, уловил эту перемену. В его взоре вспыхнула лукавая, почти издевательская искра.

— Неужто вино показалось вам чересчур резким? — вкрадчиво поинтересовался он. — Что ж, в таком случае я велю подать нектар из моих личных запасов. Но прежде позвольте показать вам некое диво.

Он хлопнул в ладоши, и перед его очами немедленно предстали двое телохранителей.

— Принесите парочку моих кровавых изысканностей, пусть гости полюбуются. И кувшин настоящего на них вина «Изысканные весенние пейзажи».

Воины поклонились и исчезли, вернувшись спустя мгновение. Один из них держал крошечную клетку из резного нанму с золотыми прожилками. Внутри копошились летучие мыши. Лин Шу и Цзин Хуайюй с любопытством подались вперёд. Звери заметно отличались от привычных рукокрылых: угольно-чёрные, покрытые бархатистым пушком, с длинными тонкими носами, похожими на полые трубочки. Но самым удивительным было их брюшко — оно тускло багровело, точно в плоть каждого существа был вшит огранённый рубин.

Второй страж держал увесистый кувшин из сине-белого фарфора, горловина которого была наглухо запечатана сургучом. В нём, судя по всему, и покоился драгоценный эликсир.

Цзинь Яжэнь взял клетку, приоткрыл дверцу на ширину пальца и ловко, двумя пальцами, выудил одну тварь наружу, вернув клетку слуге. Осторожно расправив кожистые перепончатые крылья существа, он продемонстрировал гостям багровое брюшко.

— Взгляните, благородные гости, вся тайна сокрыта здесь. Обитают эти крошки лишь в пещерах на вершинах хребта Иньшань. Их и прежде было мало, а после того как наши охотники открыли их свойства, они и вовсе почти исчезли. Из чистого любопытства я выкупил несколько гнёзд и развёл их у себя.

— Весьма любопытно, — подал голос Цзин Хуайюй. — Но какую же пользу таит в себе эта... кровавая изысканность?

Цзинь Яжэнь загадочно улыбнулся, окинув гостей долгим взглядом:

— О, польза огромна. Знаете ли вы, отчего степняки столь яростно истребляли этих тварей? Всё дело в их повадках. Обычные мыши питаются мошкаррой, но эти признают лишь сок цветка Холодной Крови, что растёт на неприступных заснеженных кручах. Человеку туда не добраться. А сила этого цветка такова, что перед ней не устоит ни один мужчина в Поднебесной. Питаясь его нектаром, мыши перенимают эти свойства. Мы ловим их, сушим и настаиваем на них вино. Стоит сделать лишь глоток этого снадобья — и даже дряхлый старик, давно позабывший о плотских радостях, вмиг обретёт безудержную силу юноши.

Цзин Хуайюй закивал, его глаза масляно заблестели:

— Воистину великое сокровище!

Лин Шу лишь молча созерцал диковинного зверя, не проронив ни слова.

Цзинь Яжэнь вернул пленника в клетку и распорядился:

— Принесите из ларца чаши из белого нефрита. Попотчует дорогих гостей.

Молча стоявший у стены Цзинь Никэ со всех ног бросился исполнять приказ. Вскоре перед Лин Шу, Цзин Хуайюем и самим хозяином дома появились изысканные кубки из полупрозрачного, точно застывший жир, нефрита.

Слуга тем временем сорвал сургучную печать с кувшина. Тотчас по залу разлился густой, одуряюще сладкий цветочный аромат, от которого кружилась голова. Осторожно, боясь пролить хоть каплю бесценной влаги, он разлил вино по кувшинам.

Цзинь Никэ недовольно зыркнул на служанок за спиной Лин Шу. Ян Е, заслушавшись разговором, не заметил, как придвинулся слишком близко. Встретившись с ним взглядом, Никэ яростно вылупил глаза и прошипел:

— Ты чего застыла, дурёха? Быстро налей вина гостю!

Ян Е вздрогнул, осознав, что обращаются именно к нему. Отступить было поздно. Подавив вздох, он покорно взял тяжёлый кувшин и, изобразив глубокое почтение, склонился над чашей Лин Шу. Густая, рубиново-красная влага полилась в белоснежный нефритовый кубок, заиграв на свету драгоценными искрами.

Ян Е, который с самого полудня изнывал от голода, перебившись лишь парой сухих лепёшек, от этого благоухания едва не захлебнулся слюной. На душе у него мгновенно закипела обида:

«И за какие грехи? Такое редкое вино должен пить я, а ты — почтительно стоять рядом! Но нет, жизнь несправедлива: теперь я прислуживаю тебе, словно девка. Да и толку тебе с этого приворотного зелья? С твоей повадкой прирождённого пассива — на кой чёрт тебе богатырская сила? Только благородный напиток переводить!»

<http://bllate.org/book/19546/1998804>